

О Семёне Волчкове, художнике и поэте.

Семён Васильевич Волчков – выдающийся русский художник и поэт, полюбивший наш остров всей душой, как свою родину. И хотя он прожил немало лет на Кипре, мне не довелось познакомиться с ним лично, и я, конечно не могу думать об этом упущении без глубокого сожаления. По воле судьбы моё знакомство с этой яркой личностью произошло посмертно, по инициативе его дочери Ларисы. Я безмерно благодарен ей за седьмое небо, которое она мне подарила, посвятив меня в драгоценные сокровища, художественные и поэтические, которые мне предстали при знакомстве с его творчеством. То, что я впитал в себя при знакомстве с его искусством, принадлежит к сфере святой Красоты, преисполненной божественного вдохновения и человеческого превосходства, непосредственно связанного с осмысленным существованием. Речь идёт о всплеске незабываемого эстетического восторга, какой более доступен (и осязаем одновременно и внешне) поклоннику высшей неувядаемой Красоты, воспринимающему чувственную и сверхчувственную сферы огненным светом пылающего от любви сердца.

Читая книгу «Альбатрос», изучая видео-материалы, связанные с его живописным творчеством, просматривая документальный фильм о жизни и творчестве Семёна Волčkова на Кипре, любуясь его картинами в гостеприимном доме Лары Барджили, настоящем Музее Живописного Искусства, я не только увидел лирически настроенную душу творца, мастерски владеющего пером и кистью, но также ощутил и мистицизм святой России в картинах, изображающих девственную красоту русской и кипрской природы, в которых отразилась творческая душа с божественной печатью скромного смиренного человека.

В творчестве Семёна Волčkова обнаруживается богатый внутренний мир художника, вся его сущность, симиология божественного начала. Это искусный колорист, владеющий тайной волшебного мира красок, прекрасно знающий грамматику и синтаксис живописного языка и потому ему удаётся передать в цвете тонкую взаимосвязь всех координат, составляющих одно целое в пространстве. Выступая в одних полотнах как реалист и в других как импрессионист, он посвящает читателя-зрителя в глубинные недра неисчерпаемого источника, в котором он как настоящий жрец искусства первым приобщается к святым святым величественной красоты Божьего Созидания. О чём бы ни шла речь – о русских пейзажах, либо о зарисовках кипрских моментов жизни, замечательный друг Кипра, человек с русской душой, наделённый грекофильскими настроениями и искренними чувствами любви к нашей родине, с присущим ему благоговением относится к Красоте, где бы он с ней ни встретился. И неслучайно ему удаётся отразить невинность, чистоту, святость, пробуждая в нас трогательное волнение при знакомстве с его творчеством, будь то живопись, либо поэзия.

В некоторых словесных зарисовках, нанесённых с целью воссоздать образ творца, его нередко сравнивают с перелётной птицей, акцентируя внимание на том, что он постоянно находился на рубеже двух миров. Мы могли бы согласиться с этой точкой зрения, лишь с оговоркой и с учётом главного момента в его образе, который заключается, на наш взгляд, во вселенских гуманных признаках его живописного и поэтического языка, отличающегося глубоким лиризмом, теплотой и задушевностью. В каждой своей изобразительной композиции и в каждом стихе он с глубоким профессионализмом утверждает красоту Правды и правду Красоты. Перед нами космополит Зенон Китийский, поистине родственная душа нашего предка, основателя стоической Философии.

Когда я впервые столкнулся с живописным и поэтическим творчеством Семёна Волчкова, мне невольно вспомнились слова великого древнегреческого поэта Симонидиса Киоса:

«Живопись – это беззвучная поэзия, а поэзия – это многоречивая живопись». Эти слова полностью выражают сущность искусства Семёна Волчкова. Его живопись многоречива, она освобождает душу, возвышая её до небес, открывая перед ней необъятные перспективы, не применяя методов убеждения, а всего лишь эмоционально воздействуя на нашу душу, трогая и волнуя её. Его благоговейная, подобная священным писаниям, поэзия есть гимн внутреннему миру, дарующему нектар святого источника и злаковую пищу, способные перевоплощать слезы одинокой любви в божье причащение.

Поклонник возвышенного и неземного, Семён Волчков, как настоящий альбатрос, оставил за собой богатое культурное наследие - плоды своих свободных взлётов над земными просторами Русского Кипра к небесам Кипрской России. Его плоды - драгоценное сокровище для нас, которое мы должны хранить, как зеницу ока. Чтобы добыть святой свет *Эмпидокловой* победы, он, как святой Иоанн Креститель, боролся в глухой темноте, столь характерной в наши жестокие времена эпохи Армагедона, железной эпохи Исида.

В этом романтично настроенном и наделённом глубокими чувствами любви к женской красоте, истинном православном христианине, увидевшем нашу кипрскую родину с небесных высот и твёрдыми шагами прошедшему свой жизненный путь по святой русской земле, за которую он сражался, получая ранения и болея всей душой за её судьбу, обрисовываются образ заботливого отца-учителя, любимого супруга, борца, героически восставшего против тёмных сил, и, конечно же, творца, ставшего для нас путеводителем на тропинках любви.

Шарль Бодлер в своём раненом альбатросе говорит о том, что повреждённые крылья не дают ему возможности взлететь. Семён Волчков, как раненый альбатрос, сумел взлететь, несмотря на повреждённые крылья, поднявшись до недоступных высот искусства, чтобы увидеть нечто новое, о чём так мечтал великий французский поэт 19-го века Шарль Бодлер. Как Прометей, укравший огонь у богов, наш творец дорого расплачивался за это всю свою жизнь. Истинный жрец Искусства, оказавшись в плену у Красоты, у Слова, у Цвета и Света, он перенёс свои испытания, подобно мифологическому узнику Кавказской горы. Он прошёл сквозь огонь и воду прежде, чем уйти на вечный покой: кипрская эпопея, семейное горе, связанное с утратой близких, вначале сына и зятя, а затем любимой жены Катерины. И всё же, истекавшая кровью душевная рана, вновь и вновь усугублявшаяся и не дававшая возможности забыться, стала глубоким источником, как колодец Якова, как живая вода, являющаяся источником жизни бессмертного духа, жизни вечной.

Семён Волчков, страстно полюбивший Средиземное море с его бушующей морской стихией и обильным светом, сумел отразить свою любовь к нему как в поэзии, так и в живописи: здесь и сказочные воды места рождения Афродиты со скалой, названной в византийские времена «Петра ту Ромню», что значит: «Камень грека», и оккупированная ныне Фамагуста с её венецианскими стенами и величественным Кафедральным Собором Св. Николы, и красавица Кериния с её средневековой крепостью, стоящей в воде на камнях, где

*морские волны с ними с древних пор
ведут непримиримый ярый спор.*

В жанровой аллегорической картине *«Кипр в июль 1974 года»* расщеплённое надвое дерево, говорящее о трагическом исходе гнева Божьего и разгула злых духов,

художник не случайно изображает на романтическом фоне вечной красоты природы, утверждая тем самым жизнь, желая подчеркнуть мысль о том, что любая буря – явление преходящее, а красота жизни извечна. Путешествуя далее навстречу панорамному шествию богатых красок, купающихся в обильном кипрском свете, мы видим картину Пафоса с её древними руинами и средневековыми форпостами, горные тропинки Троодоса с его богатой флорой, где в каждой версте – захоронённые сокровища византийской эпохи. Здесь и неприступные обрывистые скалы Ставровунийской обители *«с крестом, воздетым в синь Вселенной»*, Кантара и Ларнака, изображённые то в лучах закатного солнца, то в сказочном лунном свете. А также *«Фамагустинская Симфония»* с потрясающим светом, идущим сверху, с небесных далей, светом многообещающим и подающим в трагичный час бушующего моря надежду на умиротворение и возрождение. Всё выше описанное – лишь небольшая часть созданных художником образов кипрской эпопеи. Семён Волчков оставил печать своего мастерства не только в пейзажном, но и в портретном искусстве. Знарок жизни, он дарит нам неизгладимые образы известных личностей и любимых ему людей, поражающие не только сходством с моделью, но прежде всего, способностью художника как непревзойдённого психолога проникнуть в их душу и найти самое характерное в каждой живой натуре. Здесь прекрасные портреты его дочери Лары и трагичная фигура сына Владимира, рано ушедшего из жизни поэта, и отражение своего «я» в автопортретах и портретах любимой Катерины, ставшей по воле судьбы одиссеей его моря или, верней сказать, морем его одиссеи.

Любуясь многогранным искусством Семёна Волčkова, я нашёл *«безграничный волшебный мир звуков»*, которые пропела *«его души святая Лира»*, мир, наполненный прекрасными белыми ангелами.

Семён Волчков всю жизнь следовал зову сердца. С утверждающей страстью, как истинный Дон Кихот, преследуемый *«фарисеями»* и *«близнецами Робеспьера»*, он претворял в жизнь свои *«голубые мечты»*. Как настоящий творец и достойный преемник древнего культурного наследия и искусства эпохи Ренессанса, а также новейшего религиозного эстетического и исторического мифа, как истинный питомец Красоты Божьего Царства, устремивший свой взгляд на небесные врата, где предстаёт пред нами легендарная лестница Якова, по которой поднимаются и опускаются души, он всегда оставался верным святости беспредельного Божьего мира. *«Какая ширь, какой разгул стихии!»* – восклицает он с удивлением и восторгом в одном из своих стихов. Он познал горечь Ада, хотя не был лишён и райской Благодати. Пред нами душа спасённая, находившаяся в постоянном творческом вознесении. За всё то ценное и святое, что подарил ты мне, дорогой Семён Васильевич, я благодарен тебе бесконечно.

**Клитос Иоаннидис,
д-р философских наук, поэт, литературный критик и автор множества книг,
Президент Философской Ассоциации на Кипре**